

ГЛАВА 1

Греция, 2016

1

Гаврилов подошел к окну, стараясь ступать бесшумно, чтобы не разбудить жену. Начинало светать. Перед отелем лежало море и, казалось, тоже дремало, как и большинство постояльцев в этот ранний час.

Оделся он быстро. Схватил с сушилки полотенце и побежал вниз: с третьего этажа по лестнице, затем еще сто пятнадцать ступенек к морю, упиваясь своей ловкостью, — трр-р-р-р! — словно перебираешь клавиши аккордеона.

Он в детстве играл. Сохранилась фотография, где Гаврилов сидит на табуреточке, смехотворно маленький по сравнению с огромной лаковой пастью аккордеона, и стриженная его голова едва торчит над мехами.

«Нужна мне была эта музыка? — думал Гаврилов, стягивая футболку. — Ходил ведь, занимался... Помнится, лупили меня пару раз по дороге в школу».

Он посмотрел на свежий синяк слева под ребрами и поморщился.

Однако вскоре уже отмахивал свою тысячу метров по заливу. Не полагалось нарушать границу из крас-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

ных буйков, но Гаврилов из чувства противоречия всегда подныривал под канат. Никто не будет указывать, где ему плавать.

На берегу он насухо вытерся, окинул взглядом синюю гладь. Ни рыбацких лодок, ни катеров, которые изредка вывозят туристов половить большую рыбу. Местные заламывают за поездку такую цену, что состоятельные немцы и англичане, уже предвкушавшие улов, недоуменно скидывают брови.

Торговаться бесполезно. Местные жадны и ленивы, даром что весь этот благословенный край обеднел и корчится в припадках экономических болезней.

Гаврилов скривился: греков он не любил. Бездельники, и кухня так себе. В полдень возле отеля открывались три таверны. И отовсюду несло жареной сардиной, или окунями, или еще черт знает какими пучеглазыми тварями, которые даже мертвые смотрели на Гаврилова так, словно лишь по недоразумению в корытце колотого льда оказались они, а не он.

Ни за что бы не приехал сюда, если б не Ольга.

— Калимера!

На стойке регистрации молодая горничная представляла цветы.

Он буркнул в ответ «Доброе утро» и свернул к лифту. Спыхватился: надо было попросить у девчонки бутон для жены. Но двери уже захлопнулись. Урчащий механический ящик с такой торжественной медлительностью вознес его на третий этаж, словно вышел далеко за пределы своих рабочих обязанностей и теперь ждал чаевых.

Вот что еще злило его. Этот запущенный отель, стоящий вдалеке от достопримечательностей и трасс,

НЕТ КУЗНЕЧИКА В ТРАВЕ

словно пытался утвердить главенство над обитавшими в нем людьми. Антропоморфизм был Гаврилову чужд. Он высмеял бы любого, кто посмел бы предположить, будто он наделяет ветхое здание душой.

Тем неприятнее было ловить себя на ощущении, что он пленник враждебного существа, следящего за каждым его шагом.

Гаврилов был рациональным человеком. Он прекрасно осознавал, что все дело в профессиональной непригодности управляющего и распущенности персонала. Но не мог отделаться от мысли, что это место развращает людей.

В первый же день отпуска, ужиная на открытой террасе, Гаврилов попросил менеджера поставить ширму. С моря дуло так, что казалось, с него вот-вот сорвет не только одежду, но и плоть, и на стуле останется объединенный хищным ветром скелет.

— Ширма? — удивился менеджер. — Нет, сэр, у нас нет никаких ширм. Вы можете вернуться в ресторан.

— Там кондиционер, — сквозь зубы сказал Гаврилов. — А здесь дует.

При слове «дует» официант обрадованно закивал, наклонился и доверительно шепнул:

— Это море, сэр. Здесь так и должно быть.

Ольга тогда засмеялась.

А Гаврилов не понимал, что здесь смешного, и внятно объяснил ей: это туристическое место, пусть и малоизвестное; оно существует за счет него и ему подобных; следовательно, здесь все должно быть устроено так, как хочет клиент.

Смех жены всерьез его задел. Он горячился, размахивал руками, уронил вилку, и та зазвенела по мраморным плитам, словно тоже хихикала над ним.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— В конце концов, можно поужинать в номере, — примирительно сказала Ольга. Но дело ведь было не в ужине и не в номере, а в том, что он был прав, тысячу раз прав, а она отказывалась это признать и, значит, играла на стороне противника: официанта, вилки и ветра.

Он высказал ей и это.

— Официанта, вилки и ветра? — переспросила жена.

И вдруг захохотала. Она хохотала так, что им пришлось уйти с террасы, потому что на них начали коситься, и продолжала хохотать как сумасшедшая, пока он тащил ее по коридору. Она не замолчала и возле стойки регистрации. Только в номере ему удалось ее успокоить.

— Чертов отель, — пробормотал Гаврилов.

Лифт издал мелодичное восклицание, означавшее, что они наконец-то добрались до третьего этажа. Вместо того чтобы выйти, Гаврилов с мстительной радостью вмял пальцем в панель кнопку с цифрой «1». Давай, валяй обратно! Он осознавал, что его поведение нелепо. Но на губах играла удовлетворенная ухмылка, когда лифт, кряхтя и громыхая механическими суставами, потащился вниз.

Горничная уже ушла. Спросить разрешения было не у кого, и Гаврилов молча вытащил из букета цветок, похожий на пион. На обратном пути не стал пользоваться лифтом, а поднялся по лестнице.

Войти в номер. Склониться над спящей Ольгой. Положить цветок на подушку, чтобы первым, что она увидит при пробуждении, оказались розовые лепестки.

Он толкнул дверь и замер: постель была пуста.

— Оля?

Внезапно его окатило волной безотчетной тревоги. Отель, о котором он думал как о затаившемся недоброжелательном существе; его дурацкая выходка с

НЕТ КУЗНЕЧИКА В ТРАВЕ

лифтом; наконец, неожиданное отсутствие жены, которая в ранний час еще должна была спать, — всё это слилось в жутковатую картину, абсурдную, но не лишнюю внутренней логики.

Страх сменился облегчением, едва он увидел полосу света из щели под дверью уборной.

Гаврилов перевел дыхание.

— Эй, всё в порядке? — Он легонько постучал.

В ответ на его прикосновение дверь медленно распахнулась. За ней оказалось пусто. Только из зеркала испуганно смотрел небритый мужчина лет пятидесяти, с полотенцем на плечах и цветком в руке выглядывший как персонаж идиотской комедии.

— Оля, ты где?

Он выбежал на балкон. С замиранием сердца перегнулся через перила. Внизу зеленела лужайка, за ней сплелись колючими ветвями кусты — естественная преграда перед скалистым обрывом.

Гаврилов выглянул из другого окна. Чистильщик в панаме сомнамбулически бродил вокруг синего прямоугольника бассейна, волоча за собой сачок.

Ольги не было.

Он быстро обшарил вещи. Телефон под подушкой. Фотоаппарат на подоконнике, рядом с биноклем. Из одежды ничего не взято, обувь на месте.

Гаврилов сбегал вниз, к лобби, и долго звонил в колокольчик, пока к нему не вышел заспанный менеджер с глубокими отпечатками подушки на лице, похожими на шрамы, оставленные сновидениями. Мадам нет в номере? И что же? Нет, он не видел мадам, но уверен, что с ней всё в порядке. Возможно, она спустилась в бар выпить кофе.

— Ваш бар работает с двенадцати, — еле сдерживаясь, процедил Гаврилов.

Менеджер выразительно пожал плечами.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Значит, она купается, — заверил он, улыбкой показывая, что проблема решена.

Гаврилов поймал за рукав идущую мимо горничную.

— Вы не видели мою жену?

Девушка тоже предположила, что Ольга пошла на море. Или решила прогуляться ранним утром. Она ведь, кажется, фотограф?

Гаврилов обежал небольшую территорию, поросшую соснами, заглянул в общественные туалеты. На парковке под тентом какая-то старуха упаковывала вещи в багажник «Фиата». Но и она отрицательно качала головой в ответ на его расспросы.

Испуганный и злой, Гаврилов вернулся в номер. В нем теплилась надежда, что жена будет там и недо-разумение вот-вот разъяснится.

Ольга не появилась.

Следующие два часа слились в вязкий кошмар. Он побывал на берегу моря, хотя твердо знал, что к воде она не спускалась. Бегал по камням, выкрикивая: «Детка! Детка!» Вернувшись, еще раз осмотрел отель.

Повара удивленно наблюдали, как он обыскивает закутки на кухне. Гаврилова сопровождал менеджер с приклеенной улыбкой, твердя, что тот напрасно волнуется.

Подошло время завтрака. Постояльцы подтягивались к лобби, точно сонные рыбы к кормушке. Гаврилов всматривался в них, ощущая себя потерявшейся на вокзале собакой.

В девять часов он потребовал вызвать полицию.

Его пытались вразумить. Сначала мягко, потом настойчиво, взмахивая руками и наперебой убеждая, что он придает чрезмерное значение пустякам. Мадам ушла гулять!

НЕТ КУЗНЕЧИКА В ТРАВЕ

— Без обуви? — рычал Гаврилов.

Возможно, он помнит не все ее туфли.

— В пижаме?

Сегодня очень жаркий день.

— Тогда почему она до сих пор не вернулась?

— Купается, — пожали плечами окружавшие его люди.

Гаврилов обвел взглядом их лица. Ему показалось, что у каждого сквозь маску снисходительного сочувствия пробивается насмешка.

— Вызывайте полицию, — хрипло повторил он. — С ней что-то случилось.

Девять дней спустя

2

Самолет из Москвы приземлился в аэропорту города Салоники в девять утра. В числе ступивших на трап было двое: худощавый юноша с обаятельной улыбкой и огромный, как медведь, коротко стриженный мужчина в джинсах и мятой футболке. Юноша, оказавшись под солнцем Греции, нахлобучил на голову сомбреро, подаренное ему попутчицами. Мужчина смерил его насмешливым взглядом и вытащил из сумки черную бейсболку.

В таком виде они предстали перед службой паспортного контроля. Сотрудник пограничной службы попросил обоих снять головные уборы и заглянул в паспорта.

Юношу с сомбреро звали Макар Илюшин. Хмурого здоровяка, мявшего в руках кепку, — Сергей Бабкин.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Цель прибытия? — заученно спросил пограничник.

— Отдых, — весело ответил юноша.

— Его отдых, — мрачно ответил мужчина, кивнув в сторону Илюшина, уже прошедшего контроль.

Высокое небо. Густое душноватое тепло. Многоголосый стук тележек по тротуару.

Лишь с пятым по счету такси им повезло. Водитель, услышав о пункте назначения, помялся и кивнул. Когда загрузились, стало ясно, что внутри не работает кондиционер.

— Пить хочется, — сказал Сергей. — Давай попросим остановиться на заправке, я куплю какую-нибудь колу. Сколько нам ехать?

— Часа три.

Шофер припарковал машину и молча вышел. Хлопнул багажник. Мужчина вернулся в салон и протянул Сергею литровую бутылку с водой.

— Говоришь по-русски? — спросил Макар.

Тот усмехнулся.

— Пятнадцать лет на русской женат. — В речи явно звучал акцент. — Говорю по-русски, понимаю по-русски. Молчать тоже скоро буду по-русски.

Они тронулись, быстро набирая скорость. Дорога в очередной раз вильнула, и за поворотом открылось море — неожиданное, как подарок без повода. Оно походило на растянутую до горизонта синюю фольгу, местами смятую, с заломами и морщинами. Солнечные лучи отскакивали от нее, как мячики, и разлетались во все стороны, так что глазам было больно смотреть.

Сергей все равно смотрел.

— Красота какая, — сказал Илюшин.

— Ни ты, ни я не знаем языка, — помолчав, сказал Бабкин. Ветер врывается в приоткрытые окна, дергал за одежду, как назойливый нищий.

НЕТ КУЗНЕЧИКА В ТРАВЕ

— Чувствуешь, соснами пахнет! — Макар будто не слышал его замечания.

— Это освежитель. Ты понимаешь, что мы на каждом шагу будем нарушать местные законы?

— И тепло!.. — Илюшин потянулся на заднем сиденье. — Наконец-то тепло. Говорят, в Сибири снег выпал. В июне.

— На то она и Сибирь, — рассеянно сказал Бабкин и стал смотреть в окно.

Он не любил авантюры. А больше всего не любил авантюры, заканчивающиеся неудачами.

Они ехали не три часа. Вдоль моря, по серпантинам, мимо длинных теплиц и сосновых рощ, мимо пыльных деревень, в которых перед тавернами курили старики, мимо плантаций олив, росших безупречно ровными рядами, точно гигантская петрушка, — так долго, будто время потерялось где-то среди апельсиновых деревьев, как подросток, гонящий мячики недозрелых плодов.

Сергей сначала ерзал, потом отодвинул сиденье до упора, откинул спинку... Он ненавидел путешествия за необходимость упаковывать себя в ячейки недружественного пространства, предназначенные для тел совсем другого калибра. Кресла в самолете казались ему спроектированными с расчетом, что в них будут сидеть хорьки. В проходах он невольно чувствовал сходство с огромным соленым помидором, который пытаются протащить через узкое баночное горлышко. Вставая с места, Сергей неизбежно ударялся головой о багажную полку и даже не знал, что злит его

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

сильнее: боль, приглушенные смешки или сочувственные взгляды.

Материальный мир упорно напоминал, насколько он здесь неуместен, и Сергей без капли иронии полагал, что платить за авиабилеты в его положении — верх издевательства.

Он обернулся к Илюшину. Тот растянулся на заднем сиденье и безмятежно дремал, прикрыв лицо подаренной шляпой.

Море, рощи, море, рощи, море... Когда однообразие пейзажа нарушилось холмом, у подножия которого белели дома, Сергей вынырнул из своего полубытья. Вскоре открылся невысокий отель, увитый розовой бугенвиллеей. Центральный вход был украшен двумя гигантскими амфорами, претенциозными, нелепыми и в то же время грозными в этой нелепости, — как напоминание о богах, некогда бродивших по высохшей земле среди смертных, а ныне оставшихся только в виде рисунков на обожженной глине.

— Прибыли, — сказал Бабкин и обернулся.

Илюшин уже сидел, крутил головой, и в ясных серых глазах не было ни капли сна.

В вестибюле отеля, прохладном и пустом, им на встречу поднялся грузный мужчина.

— Гаврилов, Петр Олегович. Спасибо, что приехали.

Сергей увидел одутловатого человека с тем едва заметным выражением брезгливости на лице, которое свойственно людям, облеченным властью. Из досы Бабкин помнил, что Петр Гаврилов, прежде чем уйти в крупную нефтяную структуру, служил в управе одного из московских районов. Его прочили на место главы, когда вокруг управы разразился скандал.

НЕТ КУЗНЕЧИКА В ТРАВЕ

Стремительно закрутившимся смерчем сплетен и газетных статей на обозрение публики выносило то мебель для школ, которую Гаврилов якобы заказал по цене в сорок раз выше реальной, то пандусы для инвалидов, по которым не могла въехать ни одна коляска, то безродных собак, выгнанных вместе с волонтерами, чтобы на месте приюта мог открыться ресторан «Русское застолье».

«Почти каре, — сказал Илюшин, изучив краткую биографическую справку будущего клиента. — Школьники, калеки и дворняжки. Странно, что упустили пенсионеров». — «Не веришь, что Гаврилов действительно этим занимался?» — «Отчего же? Но больше похоже на заказ. Кто-то его выдавил. Ладно, нас это не касается».

Тогда Бабкин решил, что Макар прав. Однако при первом же взгляде на Петра Гаврилова он ощутил родство с оскорбленными инвалидами и лишенными крова собаками. Стоящий перед ним человек не просто был когда-то типичным чиновником — что гораздо хуже, он им и выглядел. Со времен работы оперативником Бабкин не терпел подобных людей. Им все сходило с рук.

— Ко мне в номер поднимаемся, там я все расскажу, — распорядился Гаврилов, направляясь к лестнице.

— Сначала мы отнесем вещи и примем душ, — с неожиданной злостью возразил Сергей.

Взгляд Илюшина заставил его замолчать.

— Дорога была тяжелая, Петр Олегович, — кротко сказал Макар. — Нам потребуется не больше получаса.